

Баратынский Евгений Абрамович

Сумерки

СУМЕРКИ

Москва, 1842 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

01. Князю Петру Андреевичу Вяземскому
02. Последний поэт
03. "Предрассудок! он обломок..."
04. Новинское
05. Приметы
06. "Всегда и в пурпуре и в злате..."
07. "Увы! Творец непервых сил!..."
08. Недоносок
09. Алкивиад
10. Ропот
11. Мудрецу
12. "Филида с каждою зимою..."
13. Бокал
14. "Были бури, непогоды..."
15. "На что вы, дни! Юдольный мир явленья..."
16. Коттерие
17. Ахилл
18. "Сначала мысль, воплощена..."
19. "Ещё как патриарх, не древен я; моей..."
20. "Толпе тревожный день приветен, но страшна..."
21. "Здравствуй, отрок сладкогласный!..."
22. "Что за звуки? Мимоходом..."
23. "Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!..."
24. Скульптор
25. Осень
26. "Благословен святое возвестивший!..."
27. Рифма

01. КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ

Как жизни общие призывы,
Как увлечения суеты,
Понятны вам страстей порывы
И обаяния мечты;
Понятны вам все дуновенья,
Которым в море бытия
Послушна наша ладия.
Вам приношу я песнопенья,
Где отразилась жизнь моя:
Исполнена тоски глубокой,
Противоречий, слепоты
И между тем любви высокой,
Любви, добра и красоты.

Счастливый сын уединенья,
Где сердца ветреные сны
И мысли праздные стремленья
Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мне нужды нет;
Где я простил безумству, злобе
И позабыл, как бы во гробе,
Но добровольно, шумный свет, -
Ещё порою покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой.
Ищу я вас, гляжу: что с вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами,
И светом высшего огня?
Что вам дарует провиденье?
Чем испытует небо вас?
И возношу молящий глас:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минет скорбный час!

Звезда разрозненной плеяды!
Так из глуши моей стремлю
Я к вам заботливые взгляды,
Вам высшей благости молю.
От вас отвлекь судьбы суровой

Удары грозные хочу,
Хотя вам прозою почтовой
Лениво дань мою плачу.

1834

02. ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Век шествует путём своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколения,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла;
В ней опять цветут науки,
Носит понт торговли груз
И не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, берега лазурных рек.
Цветёт Парнас! Пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струёю бьет;
Нежданный сын последних сил природы,
Возник поэт: идет он и поет.

Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнания
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании холодной
Поёт, увы! он благодать страстей;
Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подымлется от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Бодрым сердцем покоримся
Думам робким, а не им!
Верьте сладким убеждениям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста вещать полуотверсты,
Но гордые главы не преклонил:
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край, но свет
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!

Человеку непокорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;
И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. песни волн...
Где погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребёт питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И по-прежнему блистает

Хладной роскошью свет:
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

1835

03.

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.
Гонит в нём наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлостного отца.
Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай,
Но пристойную могилу,
Как уснёт он, предку дай.

1841

04. НОВИНСКОЕ

А. С. Пушкину

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей лёгкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви - для вдохновенья.

1826, 1841

05. ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил её знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нём дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в спасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъявля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним:
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

1840

06.

Всегда и в пурпуре и в злате,
В красе негаснущих страстей,
Ты не вздыхаешь об утрате
Какой-то младости твоей.
И юных граций ты прелестней!
И твой закат пышней, чем день!

Ты сладострастней, ты телесней
Живых, блистательная тень!

1840

07.

Увы! Творец непервых сил!
На двух статейках утомил
Ты кой-какое дарованье!
Лишённый творческой мечты,
Уже, в жару нездравом, ты
Коверкать стал правописание!

Неаполь возмутил рыбарь,
И, власть прияв, как мудрый царь,
Двенадцать дней он градом правил;
Но что же? - непривычный ум,
Устав от венценосных дум,
Его в тринадцатый оставил.

1838

08. НЕДОНОСОК

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землёй и небесами.

Блещет солнце - радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И весёлыми крылами
Ластюсь к ним, как облачко;
Пью счастливо воздух тонкой,
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревёт
И до облак, свод небесный
Омрачившись, вознесёт
Прах земной и лист древесный.
Бедный дух! Ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьёт, крутит меня, как пух,
Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! Вихорь жгучий!
Бьет меня древесный лист,
Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянусь ли на землю -
Грозно, чёрно тут и там;
Вопль уныло я подъямлю.

Смутно слышу я порой
Клик враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных - скорби тесных!
В тучу прячусь я и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу... На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

1835

09. АЛКИВИАД

Облокотясь перед медью, образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златые чела,
Юный красавец сидел, горделиво-задумчив, и, смехом
Горьким смеясь, на него мужи казали перстом;

Девы, тайно любуясь челом благородно-открытым,
Нехотя взор отводя, хмурили брови свои.
Он же глух был и слеп; он, не в меди глядясь, а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок?

1835

10. РОПОТ

Красного лета отравы, муха досадная, что ты
Вьёшься, терзая меня, льнешь то к лицу, то к перстам?
Кто одарил тебя жалом, властным прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцелуй?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага.

1841

11. МУДРЕЦУ

Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти, имя даёшь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье - одно.

Тот, кого миновали общие смуты, заботу
Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец;
Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя,
Первым стенаньем качать нудит свою колыбель!

1840

12.

Филида с каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугает большей наготою
Своих старушечьих плечей.

И, Афродита гробовая,
Подходит, словно к ложу сна,
За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.

До 1839 г.

13. БОКАЛ

Полный влагой искромётной,
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл...
Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин, -
Сластолюбец вольнодумный,
Я сегодня пью один.

Чем душа моя богата,
Всё твоё, о друг Аи!
Ныне мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струёю вдохновенной
Не рассеян данник твой
Бестолково оживлённой
Разногласою толпой.

Мой восторг неосторожный
Не обидит никого,
Не откроет дружбе ложной
Таин счастья моего,
Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных невежд
Излиняем горделивых

Иль святых моих надежд!

Вот теперь со мной беседуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповедуй
Иль отравы бытия;
Сердцу милые преданья
Благодатно оживи
Или прошлые страданья
Мне на память призови!

О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой;
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуму пророк -
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченье
Общежительных страстей -
В одиноком упоенье
Мгла падёт с его очей!

1835

14.

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий,

Вольной песнью разольётся,
Скорбь-невзгода распоётся!

А как век-то, век-то старой
Обручится с лютой карой,

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалой,

Не положишь ты на голос
С чёрной мыслью белый волос!

1839

15.

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь, а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

1840

16. КОТТЕРИЕ*

Братайтесь, к взаимной обороне
Ничтожностей своих вы рождены;
Но дар прямой не брат у вас в притоне,
Бездарные писцы-хлопотуны!
Наоборот, союзным на благое,
Речённого достойные друзья,
"Аминь, аминь, - вещал он вам, - где трое

Вы будете - не буду с вами я".

1841

* - Опубликовано только в 1890 г.

Не вошло в сборник из-за цензурного запрета.

17. АХИЛЛ

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту
И кипящего Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимым лишь в пяту.

Обречён борьбе верховной,
Ты ли долею своей
Равен с ним, боец духовный,
Сын купели новых дней?

Омовён её водою,
Знай, страданию над собою
Волю полную ты дал,
И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал!

1841

18.

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увёртлива, речиста.
Со всех сторон своих видна,
Как искушённая жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем

Она, подъемля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

1838

19.

Ещё, как патриарх, не древен я; моей
Главы не умастил таинственный елей:
Непосвящённых рук бездарно возложение!
И я даю тебе мое благословенье
Во знаменье ином, о дева красоты!
Под этой розою главой склонись, о ты,
Подобие цветов царицы ароматной,
В залог румяных дней и доли благодатной.

1839

20.

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не лёгkokрылых грёз, детей волшебной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных.

Ощупай возмущённый мрак -
Исчезнет, с пустотой сольётся
Тебя пугающий призрак,
И заблужденье чувств твой ужас улыбнётся.

О сын фантазии! Ты благодатных фей
Счастливый баловень, и там, в заочном мире,
Весёлый семьянин, привычный гость на пире
Неосязаемых властей!
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:

Ей исполинский вид даёт твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою -

Исчезнет, а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

1839

21.

Здравствуй, отрок сладкогласный!
Твой рассвет зарёй прекрасной
Озаряет Аполлон!
Честь возникшему пииту!
Малолетнюю хариту
Ранней лирой тронул он.

С утра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен?
Только жавронок живой
Чуткой грудию своею,
С первым солнцем, полный всею
Наступающей весной!

1842

22.

Что за звуки? Мимоходом
Ты поёшь перед народом,
Старец нищий и слепой!
И, как псов враждебных стая,
Чернь тебя обстала злая,
Издеваясь над тобой.

А с тобой издавна тесен
Был союз камены песен,
И беседовал ты с ней,
Безымянной, роковою,
С дня, как в первый раз тобою
Был услышан соловей.

Бедный старец! Слышу чувство
В сильной песне... Но искусство...
Старцев старее оно;

Эти радости, печали -
Музыкальные скрижали
Выражают их давно!

Опрокинь же свой треножник!
Ты избранник, не художник!
Попеченья гений злой
Да отложит в здешнем мире:
Там, быть может, в горнем клире,
Звучен будет голос твой!

1841

23.

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец её! Тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч, бледнеет жизнь земная!

1840

24. СКУЛЬПТОР

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нём прозрел,
И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.

Но, бесконечно вожденный,
Уже не властвует собой:
Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.

В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдёт,

А с предугаданной, с желанной
Покров последний не падёт,

Покуда, страсть уразумев
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечёт, желаньем рдея,
К победе неги мудреца.

1841

25. ОСЕНЬ

1

И вот сентябрь! Замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виётся вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! И вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол,
Пред ним помчится прах летучий;
Качаяся, завостит роща, дол
Покроет лист её падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,

Златочешуйчатые воды!
Весёлый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнажённых
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убелённых,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает;
Сметав в стога скошённый злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопья стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрипящих,
И хлебных скирд золотоверхий град

Подъёмлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! На строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьёй своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды.
И спеет жатва дорогая,
И в зёрнах дум её собираешь ты,

Судеб людских достигнув полноты,-

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащённые лелеял...
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретения!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скоплённые презрения,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошёл, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерии;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерии.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствии пламенный искатель,
Блистательных туманов царь-и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушен.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник,
Вполне торжественной и дикой,-
Костями бы среди твоих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нём умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тороватый!
Проси, сажай гостей своих за пир

Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блится он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным своей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревращенье -
Пусть в торжестве насмешливом своём
Ум бесполезный сердца трепет
Угломнит и тщетных жалоб в нём
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Её предел завидя издали,
Цветущий берег за мглою чёрной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновлённым,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примирённым,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой, -

13

Пред промыслом оправданным ты ниц

Падёшь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утолённым разуменьем, -
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И лёгких чад житейской суеты
Не посветишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она

Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несётся ураган,
И лес подьёмлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдёт отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешёл.

15

Пускай, приняв неправильный полёт
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечёт;
Пусть заменит её другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения её далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Её сестры новорождённый свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой -
Все образы години бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей, -
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нём тебе грядущей жатвы нет!

1837

26.

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший.
Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со древа упадет:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намёк.

1839

27. РИФМА

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа жадного восторгов мусикийских,
В нём вера полная в сочувствие жила.
Свободным и широким метром,
Как жатва, зыблемая ветром,
Его гармония текла.
Толпа вниманием окована была,
Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побеждённая, плескала без конца
И струны звучные певца
Дарила новым вдохновеньем.

Когда на греческой амвон,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил и славословил он
Или оплакивал народную фортуна
И устремлялися все взоры на него
И силой слова своего
Вития властвовал народным произволом, -
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит Бог
Его торжественным глаголом.
А ныне кто у наших лир
Их дружелюбной тайны просит?
Кого за нами в горний мир
Опальный голос их уносит?

Меж нас не ведает поэт,
Его полёт высок иль нет!
Сам судия и подсудимый
Пусть молвит: песнопевца жар
Смешной недуг иль высший дар?
Решит вопрос неразрешимый!
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного берега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаёшь его мечты!

1840